

Т.А. Касаткина

(Москва, ИМЛИ РАН)

Комментарий к комментарию: возвращение Жучки и медеянский щенок

Комментарий О.А. Дехановой решает поставленные задачи и одновременно ставит новые. Такими новыми комментаторскими задачами являются, на мой взгляд, проблема возвращения или невозвращения Жучки и мистическая роль медеянского щенка (сюжетная роль, как неоднократно подчеркивается Дехановой, и с этим нельзя не согласиться, у щенка отсутствует: с точки зрения сюжета он появляется непонятно почему, непонятно зачем и немедленно исчезает). Решение этих проблем, предложенное автором “Легенды о медеянской собаке”, меня не удовлетворяет – не удовлетворяет хотя бы эмоционально, в силу бесконечной пессимистичности этого решения.

Итак, сначала о возвращении Жучки. В своей работе “Теодицея от Ивана Карамазова”¹ я писала: “Илюша Снегирев только наполовину умирает потому, что его убили. На другую половину он умирает потому, что убил сам. Недаром все усилия мальчиков и Алеши направлены на то, чтобы найти Жучку – это одно могло бы его спасти. Именно потому такое символическое значение в романе приобретает кроватка больного Илюшечки – это место, где вновь соединяются два глобальных разрыва². Илюша в окружении мальчиков и Алеши, обнимающий вскочившую на его постель Жучку, – зримый облик выздоравливающего мира, лицо которого еще изборождено шрамами, но нет на нем уже зияющих язв”. Это примирение – залог бессмертия в романе, и вряд ли Достоевский стал бы здесь так “морочить” читателя и героев, как предполагает Деханова, или позволил бы им так морочить себя самих, принимая желаемое за действительное.

Но Жучка и медеянский щенок на постели мальчика – это восстановление главного глобального разрыва романа как раз на мистическом уровне. Не принимающий мира Божия Иван рассказывает Алеше историю о генерале, затравившем мальчика собаками, и это производит даже на Алешу сокрушительное впечатление, вырывая у него знаменитое “Расстрелять!”, хотя он немедленно и спохватывается, говоря, что “сказал нелепость”. Возмущенному читателю, как правило, непонятно и не по душе его второе высказывание, в то время как с “Расстрелять!” он вполне солидарен. Но в истории Жучки нам дан перевертыш Ивановой истории о мальчике, затравленном собаками, – история о собаке, обманутой, замученной и убитой мальчиком. *Жучка была убита и воскресла* – на самом деле, именно

на это указывают все отмеченные Дехановой несоответствия между Жучкой и Перезвоном в романе.

Перед тем, как вбежать, наконец, к Илюше, собака опять, на наших глазах, *умирает*. «О, ведь я на мгновение, – отвечает Коля на предложение Алеши зайти к хозяевам, чтобы оставить у них пальто, – я войду и просижу в пальто. Перезвон останется здесь в сениях и *умрет*: “Иси, Перезвон, куш и *умри!*” – видите, он и *умер*. А я сначала войду, высмотрю обстановку и потом, когда надо будет, свистну: “Иси, Перезвон!” – и вы увидите, он тотчас же влетит как угорелый. Только надо, чтобы Смуров не забыл отворить в то мгновение дверь. Уж я распоряжусь, и вы увидите фортель...» (14, 484) Далее на протяжении всей сцены (“У Илюшиной постельки”) подчеркиваются *смерть и воскресение* собаки – в противоположность сюжетному реалистическому объяснению того, что Жучка осталась жива. При чем воскресить ее властен оказывается только Коля. “Отчаянно спеша” показать все дары Перезвона у постели Илюши, он опять командует собаке: «“Умри!” И тот вдруг завертелся, лег на спину и замер неподвижно всеми четырьмя своими лапками вверх. Мальчики смеялись, Илюша смотрел с прежнею страдальческою своею улыбкой, но всех больше понравилось, что умер Перезвон, “маменьке”. Она расхохоталась на собаку и принялась щелкать пальцами и звать: – Перезвон, Перезвон!

– Ни за что не подымется, ни за что, – победоносно и справедливо гордясь, прокричал Коля, – хоть весь свет кричи, а вот я крикну, и в один миг вскочит! Иси, Перезвон!

Собака вскочила и принялась прыгать, визжа от радости» (14, 492).

Сразу вслед за этим сообщается, что “штабс-капитан вбежал с куском вареной говядины”. Умершему от булавки в хлебе³ псу теперь предлагается честное и достойное угощение.

Смена имени (как и смена пола: Жучка⁴ – Перезвон) тоже всегда ассоциировалась со смертью, с концом одной жизни и началом следующей (таков, например, смысл перемены имени постригающихся в монашество; кстати, при пострижении монахине зачастую дается мужское имя (Алексия, Арсения и т.п.)). Новое же имя собаки словно само возвещает о совершившемся чуде: *перезвон* – церковный звон, которым звонят перед молебнами, водосвятиями, на крестных ходах – т.е. перед и во время церковных молений о чуде, о вторжении Божественной воли в механический ход природы, о “побеждении естества чина”, о преображении материи. Но у нового имени есть и еще один важный аспект, который напрямую связывает Жучку с медеянским щенком.

Медеянки, гордость всякой охотничьей псарни (недаром Ноздрев в “Мертвых душах” так возится со щенком, “настоящим морда-

шом”, которого он давно желал заполучить), в одиночку валившие медведя, при царе Иване IV, указывает Деханова, *употреблялись для травли пленных и опальных монахов*.

Таким образом, Достоевский укладывает в постель Илюше одно из тех страшных созданий, что растерзали “ребенка в глазах матери” в Ивановом рассказе. Да и новая кличка Жучки – Перезвон – традиционная кличка гончих. На Илюшиной постельке собираются воскресшие, умирающие и вновь рожденные, собираются убивавшие друг друга – для того, чтобы друг друга любить. Ребенок, ласкающий новорожденного меделянского пса, Перезвон, обнимающий Илюшу – это *уже состоявшееся* объятие (объятие матери, ребенка и “сумасшедшего генерала”), которого и в вечности не допускает Иван. Именно поэтому образ счастья (причем в его полноте, *восполненности*, которая ведь достигается только в вечности, в полноте времен) дан в Илюшиных мечтах следующим образом: “если бы Жучка и щеночек вместе, тогда бы было *полное счастье!*”

¹ См. эту статью в моей книге “Характерология Достоевского”. М., 1996.

² В этом смысле неоправданно и суждение Дехановой о «возможной “неслучайности” именно медиоланского происхождения собаки, как противопоставление католицизма православию». На самом деле, если уж говорить о таких вещах, то нужно было бы сказать как раз о *непротивопоставлении* католицизма православию в таком явлении медиоланской собаки: название города Милана – Медиолан – относится ко временам до *великой схизмы* Запада и Востока. Медиоланская собака на постели Илюши в этом смысле оказывается аналогичной католическим изображениям и кресту в келье старца Зосимы.

³ Характерно, что Смердяков, вешавший в детстве кошек, чтобы похоронить их, пародируя церковный чин, подговаривает мальчика убить собаку, воткнув булавку в хлеб – в то вещество, которое в таинстве Евхаристии становится Телом Христовым. Он старается сделать источником смерти то, что дает верующему жизнь вечную.

⁴ Хотя “Жучка” могло использоваться и в качестве клички для кобеля, как у Достоевского в “Записках из Мертвого Дома” (имелось в виду “Жучок”), но здесь связь женских и мужских местоимений с соответствующими кличками слишком определена.